

1001 ночь.

Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане (продолжение)

И Дау-аль-Макан сказал везиру Дандану: "Поистине, подобный тебе развлекает печальное сердце и, беседуя с царями, идет наилучшим путем в обращении с ними."

А в это время они осаждали аль Кустантынию, пока не прошло над ними четыре года, и они стосковались по родным землям, и войска стали тяготиться, и им надоело не спать ночами, осаждая город, и воевать ночью и днем.

И царь Дау-аль-Макан велел привести Бахрама, Рустума и Теркаша и, когда они явились, сказал им. "Знай те, что мы провели здесь эти годы и не достигли цели, даже напротив, увеличились наши заботы и горести. Мы пришли, чтобы отомстить за царя Омара ибн ан Немана, и был убит среди нас мой брат Шарр-Кан, так что из этой печали стало две печали и из этой беды – две беды. А виновница всего этого – старуха Зат-ад-Давахи. Это она убила султана в его царстве и взяла его жену, царицу Суфию, но ей недостаточно было всего этого, и она обманула нас и зарезала моего брата. А я обещал и дал великие клятвы, что непременно отомщу. Что же вы скажете? Поймите эту речь и дайте мне ответ".

И все склонили головы и ответили: "Самое правильное мнение у везира Дандана".

И тогда везир Дандан подошел к царю Дау-аль-Макану и сказал ему: "Знай, о царь времени, что от нашего пребывания здесь нет больше пользы, и лучше всего нам отправиться на родину и остаться там некоторое время, а потом мы вернемся и выступим походом на рабов идолов". – "Прекрасно такое мнение! – сказал Дау-аль-Макан. – Люди стосковались и хотят видеть свои семьи, и я тоже взволнован тоскою по сыну Кан-Макану и дочери моего брата Кудья-Факан. Она в Дамаске, и я не знаю, что с нею случилось".

Услышав это, воины обрадовались и призвали благословение на везира Дандана. А потом царь Дау-аль-Макан велел глашатаю кричать, чтобы выступили через три дня. И воины стали снаряжаться, а на четвертый день забили в литавры и развернули знамена, и везир Дандан выступил в передовых войсках, а царь в середине, и рядом с ним был старший царедворец.

И войска двинулись и шли непрерывно, ночью и днем, пока не достигли города Багдада, и люди обрадовались их прибытию, и прекратилось их горе и несчастье. И оставшиеся встретились с отсутствовавшими, и все эмиры разошлись по домам, а царь поднялся во дворец и пошел к своему сыну Кан-Макану, который уже достиг семи лет и стал выходить и садиться на коня. И царь отдохнул после путешествия и пошел в баню вместе со своим сыном КанМаканом, а потом вернулся и сел на престол своего царства, и везир Дандан встал перед ним, а эмиры и приближенные встали перед царем, служа ему.

И тогда Дау-аль-Макан потребовал своего друга истопника, который был к нему добр на чужбине, и его привели. И когда он предстал перед ним, царь поднялся из уважения к его достоинствам и посадил его рядом с собою. И царь рассказывал везиру о том, какую милость и добро оказал ему истопник, и эмиры возвеличили его, и везир тоже его возвеличил. А истопник потолстел и разжирел от еды и безделья, и шея у него стала, как шея слона, а лицо – как живот дельфина, и он стал глуповатым, так как не выходил из помещения, где жил, и не узнал царя.

И царь обратился к нему и, улыбнувшись ему в лицо, приветствовал его наилучшим приветствием и воскликнул: "Как ты скоро меня забыл!" И тогда истопник пробудился и пристально посмотрел на царя и, взглядевшись, узнал его, вскочил на ноги и сказал: "О приятель, кто сделал тебя султаном?"

И царь рассмеялся, а везир подошел к истопнику и изложил ему, в чем дело, и сказал: "Он был твоим братом и другом, а теперь стал царем земли, и тебе непременно будет от него великое добро. Вот я научу тебя: когда он тебе скажет: "Пожелай чего-нибудь", – желай только самого большого, потому что ты ему дорог". – "Я боюсь, – возразил истопник, что пожелаю от него такого, на что он не согласится или что не сможет мне дать". – "Все, чего ты ни пожелаешь, он тебе даст и с тобой ничего не будет", – отвечал везир. И истопник воскликнул: "Клянусь Аллахом, я непременно пожелаю то, что у меня на уме. Я каждую ночь вижу это во сне и надеюсь, что Аллах великий мне это дарует". – "Успокой свое сердце, сказал везир. – Клянусь Аллахом, если бы ты пожелал стать правителем Дамаска вместо его брата, он даровал бы тебе это место и сделал бы тебя правителем".

Тут истопник встал на ноги, а Дау-аль-Макан сделал ему знак сесть, но тот отказался и воскликнул: "Храни Аллах! Кончились дни, когда я сидел в твоём присутствии!" – "Нет, – отвечал царь, – они продолжают и поныне. Ты был виновником того, что я остался жив, и клянусь Аллахом, если ты меня попросишь – чего бы ты ни пожелал, я дам это тебе. Так проси у Аллаха, а потом у меня".

"О господин, я боюсь", – сказал истопник. По царь воскликнул: "Не бойся!", а истопник молвил: "Я боюсь" что пожелаю чего-нибудь, чего ты мне не даруешь". И царь засмеялся и спросил: "А что же? Клянусь Аллахом, – продолжал он, – если бы ты пожелал половину моего царства, я, право, разделю бы его с тобою. Проси же, чего желаешь, и оставь разговоры". "Я боюсь", – проговорил истопник, и, когда царь сказал: "Не бойся!", он опять молвил: "Я боюсь пожелать чего-нибудь, чего ты не сможешь мне дать".

Тут царь рассердился и воскликнул: "Проси чего хочешь!" И истопник сказал: "Прошу у Аллаха и затем у тебя: напиши указ, чтобы я был надзирателем над всеми истопниками, что в городе Иерусалиме".

И султан и все присутствующие засмеялись и сказали ему: "Пожелай другого!" И истопник воскликнул: "О господин, не говорил ли я тебе, что я боюсь пожелать чего-нибудь, чего ты мне не даруешь или не сможешь мне дать!" А везир ткнул его кулаком во второй раз и в третий, но истопник каждый раз говорил: "Я желаю..."

И султан сказал: "Проси и поторопись!" – "Я прошу, чтобы ты сделал меня главным над всеми мусорщиками в городе Иерусалиме или в городе Дамаске!" – сказал истопник. И все присутствующие повалились на спину от смеха, а везир стал бить истопника, и тот обернулся к нему и спросил: "Кто ты такой, что бьешь меня, когда я не виноват? Ведь это ты говорил мне: "Пожелай что-нибудь большое!" Пустите меня уехать в мою страну", сказал он потом.

И султан понял, что он забавляется, и, подождав немного, обратился к нему и сказал: "О брат мой, пожелай от меня что-нибудь большое, достойное нашего сана". – "О царь времени, – сказал истопник, – я прошу у Аллаха и затем у царя, чтобы ты назначил меня наместником Дамаска вместо твоего брата". – "Аллах даровал это тебе", – сказал царь, и истопник поцеловал перед ним землю.

И царь приказал поставить ему сиденье на подходящем месте и пожаловал ему одежду наместника, и написал об этом постановление, приложив к нему печать, и потом сказал везиру Дандану: "Никто не поедет с ними, кроме тебя, а когда ты пожелаешь воротиться и приедешь, привези с собою дочь моего брата, Кудья-Факан". – "Слушаю и повинуюсь", – отвечал везир. И он взял истопника и ушел с ним и собрался в путешествие, а царь велел привести истопнику слуг и челядинцев и приготовить новые носилки и султанское облачение, и сказал эмирам: "Кто любит меня, пусть оказывает этому человеку уважение и поднесет ему большой подарок". И эмиры поднесли ему, каждый по мере своей возможности.

И султан назвал истопника аз-Зибликан и прозвал его аль-Муджахид [191]. И когда пожитки были все собраны, истопник вышел, а вместе с ним вышел везир Дандан, чтобы проститься с царем и попросить у него разрешения выезжать. И царь поднялся и обнял его и внушил ему быть справедливым с подданными, а потом он велел ему приготовиться к войне через два года, и они простились друг с другом. И владыка аль-Муджахид, по имени аз-Зябликан, поехал после того, как царь Дау-аль-Макан внушил ему быть добрым с подданными, и

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

эмиры подарили ему невольников и слуг, число которых достигло пяти тысяч. И они поехали вслед за ним, а старший царедворец, предводитель турков Бахрам, предводитель дейлемитов Рустум и предводитель арабов Теркаш тоже поехали, служа ему, чтобы проститься с ним, и ехали три дня, а потом воротились в Багдад.

А султан аз-Зибликан, везирь Дандан и бывшие с ними войска ехали до тех пор, пока не достигли Дамаска, а туда уже прибыли на крыльях птиц вести о том, что царь Дауаль-Макан сделал властителем Дамаска султана, которого зовут аз-Змбликан, и дал ему прозвание аль-Муджахид, и когда он достиг Дамаска, для него украсили город, и все, кто был в Дамаске, вышли посмотреть. И султан вошел в Дамаск, и шествие было великолепно, и, поднявшись в крепость, он сел на престол, а везирь Дандан стоял, прислуживая ему, и осведомлял его о чинах эмиров и их должностях, и эмиры входили к нему и целовали ему руки, призывая на него благословение. И султан обошелся с ними милостиво и роздал почетные одежды, дары и подарки, а потом он открыл кладовые и роздал деньги всем воинам, великому и малому, и творил суд и был милостив.

А потом аз-Зибликан стал готовить в путь дочь султана Шарр-Кана, госпожу Кудья-Факан, и велел дать ей парчовые носилки, и везиря Дандана он также снарядил и предложил ему столько-то денег, но везирь Дандан отказался и сказал ему: "Ты стал недавно царь и, может быть, будешь нуждаться в деньгах; мы потом примем от тебя деньги для священной войны или для чего другого".

И когда везирь Дандан приготовился к путешествию, султан аль-Муджахид сел на коня, чтобы проститься с везирем Данданом, и привел Кудья-Факан, которую он посадил в носилки, и послал с нею десять невольниц, чтобы ей прислуживать. А когда везирь Дандан уехал, царь аль-Муджахид вернулся в свои владения, чтобы управлять ими и заботиться о военных припасах, ожидая времени, когда царь Дау-аль-Макан пришлет за ними.

Вот что было с султаном аз-Зибликаном. Что же касается везиря Дандана, то он с Кудья-Факан непрестанно проезжал остановки и ехал до тех пор, пока через месяц не достиг ар-Рухбы [192]. А после он тронулся в путь и подъехал к Багдаду, и послал известить Дау-аль-Макана о своем прибытии. И тот сел на коня и выехал ему навстречу, и везирь Дандан хотел сойти с коня, но царь заклинал его не делать этого. Он погнал своего коня и, оказавшись рядом с везирем, спросил его про аз-Зибликана аль-Муджахида, и везирь сообщил ему, что тот в добром здоровье, и уведомил царя о прибытии Кудья-Факан, дочери его брата Шарр-Кана. И Дау-аль-Макан обрадовался и воскликнул: "Отдохни теперь от тягот путешествия три дня, а потом приходи ко мне", и везирь отвечал: "С любовью и охотой!"

А потом везирь отправился в свое жилище, а царь поднялся во дворец и вошел к дочери своего брата Кудьяфакан (а она была восьмилетней девочкой), и, увидев ее, он обрадовался и опечалился, вспомнив об ее отце, и приказал скроить ей платья и дал ей великолепные украшения и драгоценности, и велел поселить ее вместе со своим сыном Кан-Маканом.

И стали они расти умнейшими и храбрейшими людьми своего времени, но только Кудья-Факан росла сообразительной, умной и опытной в последствиях дел, а Кан-Макан рос щедрым и великодушным, но никогда не раздумывал о последствиях. И оба подросли, и им стало по десять лет, и Кудья-Факан начала садиться на коня и выезжала с сыном своего дяди в поле, гоняясь и углубляясь в пустыню, и они учились биться мечом и разить копьём, пока оба не достигли двенадцати лет.

А потом царь стал помышлять о войне, и он вполне снарядился и приготовился и, позвав везиря Дандана, сказал ему: "Знай, что я задумал одно дело и хочу тебя осведомить о нем. Поторопись же дать мне ответ". – "Что такое, о царь времени?" – спросил везирь Дандан, и царь сказал: "Я хочу сделать моего сына Кан-Макана султаном, и порадоваться на него при жизни, и сражаться за него, пока меня не настигнет смерть. Каково же твое мнение?"

И везирь Дандан поцеловал землю меж рук Дау-аль-Макана и ответил ему: "Знай, о царь и султан, владыка века и времени, – то, что пришло тебе на ум, прекрасно, но только для этого не настало еще время по двум причинам: во-первых, твой сын Кан-Макан юн годами, а вовторых, кто сделает своего сына султаном при жизни, тот живет после этого недолго. Таков мой ответ". – "Знай, о везирь, – ответил царь, – мы поручим сына заботам старшего царедворца, который женился на моей сестре и стал мне вместо брата". – "Делай, что тебе вздумается, – сказал везирь, – мы покорны твоему приказанию".

И царь велел привести старшего царедворца, а также вельмож своего царства и сказал им: "Вот мой сын КанМакан. Вы знаете, что он витязь среди людей своего времени и нет ему соперников в резне и сече, и я сделал его над вами султаном, а старший царедворец ему дядя, и он его опекун".

"О царь времени, – воскликнул царедворец, – я лишь росток, посеянный твоею милостью!" А Дау-аль-Макан сказал: "О царедворец, мой сын Кан-Макан и моя племянница Кудья-Факан – двоюродные брат и сестра, и я выдал ее за него замуж". И он сделал присутствующих свидетелями, а затем перенес к своему сыну такие сокровища, описать которые бессилён язык. И после этого он вошел к своей сестре Нузхат-аз-Заман и известил ее об этом, и она обрадовалась и воскликнула: "Оба они мои дети, да сохранит тебя Аллах и да проживешь ты для них, пока тянется время!" – "О сестрица, сказал царь, – я удовлетворил при жизни желанья сердца и спокоен за моего сына, по тебе надлежит заботиться о нем и присматривать за его матерью".

И он поручил придворным и Нузхат-аз-Заман заботиться о своем сыне, дочери своего брата и своей жене в течение ночей и дней, ибо убедился, что близка чаша гибели, и не сходил с подушек, а царедворец стал творить суд над рабами и городами.

А через год царь призвал своего сына Кан-Макана и везиря Дандана и сказал: "О дитя мое, этот везирь – отец тебе после меня. Знай, что я отправляюсь из обители преходящей в обитель вечную; я достиг того, чего хотел от жизни, но в моем сердце осталась печаль, которую Аллах удалит твоими руками". – "А что это за печаль, о батюшка?" – спросил царя его сын, и царь ответил: "О дитя мое, ведь я умру, не отомстив старухе по имени Зат-ад-Давахи за твоего деда, Омара ибн ан-Нуман, и дядю твоего, царя Шарр-Кана. И если Аллах дарует тебе поддержку, не засыпай раньше, чем отомстишь и не снимешь позор, нанесенный неверными. Берегись коварства старухи и внимай тому, что скажет тебе везирь Дандан, ибо он опора нашего царства с давних времен".

И сын паря внял его словам, и глаза Дау-аль-Макана пролились слезы, а болезнь его усилилась, и дела царства перешли в руки царедворца, его зятя, а это был человек старый. И он начал судить, приказывать и запрещать, и правил целый год, а Дау-аль-Макан мучила болезнь, и недуги терзали его четыре года. И старший царедворец пробыл это время у власти, и он был угоден жителям царства и вельможам правления, и во всех землях молились за него.

Вот что было с Дау-аль-Маканом и царедворцем. Что же касается царевича Кан-Макана, то у него только и было дела, что ездить на коне, играть копьём и разить стрелами, как и у дочери его дяди, Кудья-Факан. А она выезжала вместе с ним с начала дня и до наступления ночи, и потом уходила к своей матери, а он уходил к своей и находил ее сидящей у изголовья своего отца и плачущей. И он прислуживал отцу всю ночь до утра, а потом, как всегда, выезжал с дочерью своего дяди. И страдания Дауаль-Макана продлились, и он плакал и произносил такие стихи:

"Пропала мощь, и время мое минуло,

И стал я теперь подобен тому, что видишь.

В дни славы своей сильнейшим я был в народе,

И всех я быстрее своих достигал желаний.

А ныне смотрю пред смертью моей на сына,

Хочу, чтоб на месте моем стал царем он.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Разит он врагов, чтоб им отомстить жестоко,

Рубя их мечом и острым зубцом пронзая.

А я не гожусь ни в шутку, ни в дело,

Коль вновь не вернет владыка небес мне душу".

А окончив говорить стихи, он положил голову на подушку, и его глаза смежились, и он заснул и увидел во сне, что кто-то говорит ему: "Радуйся, ибо твой сын наполнит землю справедливостью и овладеет ими, и будут покорны ему рабы". И он пробудился от сна, радуясь той благой вести, которую услышал, а через несколько дней к нему постучалась смерть, и поразило людей Багдада известие о его кончине, и оплакивал его и низкий и великий.

Но время пронеслось над именем его, словно его и не было, и изменилось положение Кан-Макана: жители Багдада низложили его и посадили с семьей в какое-то помещение, где они были одни. И, увидя это, мать Кан-Макана почувствовала величайшее унижение и воскликнула: "Я отправлюсь к старшему царедворцу и надеюсь на милость всеблагого, всеведущего!"

И, выйдя из своего жилища, она пришла к дому царедворца, который стал султаном, и увидела, что он сидит на ковре. Она подошла к его жене Нузхат-аз-Заман и стала горько плакать и сказала: "Поистине, нет у мертвого друга! Да не заставит вас Аллах испытать нужду, пока идут века и годы, и да не перестанете вы справедливо судить избранных и простых! Твои уши слышали и глаза твои видели, в каком мы жили могуществе, славе, почете, богатстве и благоденствии, а теперь рок повернулся против нас, и судьба и время нас обманули, поступив с нами как враги. Я пришла к тебе, ища твоей милости, после того как сама оказывала благодеяния, ибо, когда умирает мужчина, его жены и дочери бывают унижены". И потом она произнесла такие стихи:

"Довольно с тебя, что смерть являет нам дивное,

Но жизнь отошедшая от нас навсегда ушла.

Подобны сей жизни дни привала для путника

К воде их источника подмешаны бедствия.

И сердцу всего больней утрата великих тех,

Кого окружили вдруг превратности грозные",

И Нузхат-аз-Заман, услышав эти слова, вспомнила

своего

брата Дау-аль-Макана и его сына Кан-Макана и, приблизив его мать к себе, обошлась с нею милостиво и сказала: "Клянусь Аллахом, я теперь богата, а ты бедна, и клянусь Аллахом, мы не заходили тебя проведать лишь из опасности разбить твое сердце, чтобы тебе не показался наш подарок милостыней. Но ведь все наше добро от тебя и от твоего мужа, и наш дом – твой дом, а жилище наше – твое жилище. Тебе будет то, что будет нам, и на тебе лежит то, что лежит на нас".

Потом она подарила ей роскошную одежду и отвела ей во дворце покои смежные с своими покоями. И старуха жила у них приятнейшей жизнью вместе со своим сыном Кан-Маканом, которого Нузхат-аз-Заман одела в царские одежды, и она назначила им невольниц, чтобы им прислуживать. А потом, спустя недолгое время, Нузхат-аз-Заман рассказала своему мужу про жену ее брата Дау-аль-Макана, и глаза его прослезилась, и он воскликнул: "Если хочешь посмотреть, какова будет жизнь после тебя, посмотри, какова она после другого! Приюти же ее с почетом..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто тридцать восьмая ночь

Когда же настала сто тридцать восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Нузхат-аз-Заман рассказала царедворцу про жену ее брата, тот воскликнул: "Приюти же ее с почетом и преврати ее бедность в богатство!"

Вот что было с Нузхат-аз-Заман, ее мужем и матерью Кан-Макана. Что же касается Кан-Макана и дочери его дяди, Кудья-Факан, то они сделались старше и выросли и стали, как две плодоносные ветви или две блестящие луны, и достигли возраста пятнадцати лет. И Кудья-Факан была одной из красивейших девушек, покрытых покрывалом: с прекрасным лицом, овальными щеками, худощавым станом, тяжелыми бедрами, высокая ростом, с устами слаще вина и слюною, как Сельсебиль [193]. И она была такова, как сказал о ней кто-то в таком двустишии:

И мнится, слюна ее – вино наилучшее,

А кисти лозы ее с уст сладостных сорваны.

Согнется – склоняются ее виноградины.

Прославлен ее творец. Нельзя описать се.

И Аллах великий объединил в ней все прелести: ее стан Заставлял стыдиться ветви, и розы просили пощады у ее щек, а слюна издевалась над чистым вином; и красавица возбуждала радость в сердцах, как сказал о ней порт:

Прекрасная свойствами, красой совершенная!

Смущают глаза ее сурьму и сурьящихся.

И кажется, взор ее в душе ее любящих,

Как меч, что в руке Али, всех верных правителя

Что же касаемся Кан-Макана, то он был на редкость красив и превосходен по своему совершенству, и не было ему подобного по красоте, и храбрость блистала в его глазах, свидетельствуя за него, а не против него, и склонялись к нему суровые сердца. Его глаза были черны, а когда показались его молодые усы и у него появился пушок, много было сказано о нем стихов, подобных вот этим:

Я невинен стал, как покрылся он молодым пушком,

И смутился мрак на щеках его, как прошел по ним.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Газеленок он; когда смотрит глаз на красу его,

Обнажает взор на смотрящего свой кинжал тотчас.

А вот слова другого:

Начертали души возлюбленных на щеках его

Муравьев следы, и кровь алая стала ярче липь.

Подивись им! Вот страдальцы то! На огне живут

И одеты ведь лишь в зеленый шелк в этом пламени.

И случилось, что в один праздничный день Кудья–Факан вышла справить праздник к каким–то своим родственникам из вельмож. И невольницы окружали ее, и окутала ее красота, а роза ее щеки завидовала ее родинке, и ромашки улыбались с ее сверкающих уст. И Кан–Макан принялся ходить вокруг нее и устремлял на нее взоры (а она была подобна блестящей луне), и он укрепил свою душу и, заговорив языком стихов, произнес:

"Когда ж исцелится дух разлукой убитого

И будут уста любви смеяться разлуке вслед

О, если б мог я знать, просплю ли хоть ночь одну

С любимую вместе я, что делит любовь мою"

И Кадья–Факан, услышав эти стихи, стала его укорять и упрекать и приняла гордый вид и, разгневавшись на КапМакана, сказала ему: "Ты упоминаешь обо мне в этих стихах, чтобы осрамить меня среди твоих родных! Клянусь Аллахом, если ты не воздержишься от таких речей, я, право, пожалуюсь на тебя старшему царедворцу, султану Хорасана и Багдада, справедливому и праводушному, чтобы он подверг тебя позору и унижению".

И Кан–Макан промолчал, рассердившись, и вернулся в Багдад разгневанный, а Кудья–Факан пришла в свой дворец и пожаловалась матери на сына своего дяди, и та сказала ей: "О дочь моя, может быть он не хотел тебе зла, и разве он не сирота? И к тому же он не сказал ничего порочающего тебя. Берегись же говорить об этом кому–нибудь; может быть, слух дойдет до султана, и он сократи г его жизнь и погасит воспоминание о нем и сделает его подобным вчерашнему дню, о котором память ушла".

А в Багдаде распространилась молва о любви Кан–Макана и Кудья–Факан, и женщины стали говорить об этом, и у Кан–Макана стеснилась грудь и ослабли терпение, и мало осталось у него мужества. Он не таил от людей, что с ним происходит, и хотел открыть, как страдает его сердце от разлуки, но боялся упреков и гнева Кудья–Факан. И он произнес:

"Когда б боялся укоров я той,

Чье чистое сердце теперь смущено,

Терпел бы я долго, как терпит больной

Всю боль прижиганья, к здоровью стремясь..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто тридцать девятая ночь

Когда же настала сто тридцать девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда старший царедворец сделался султаном, его называли царь Сасан, и он сел на престол своего царства и стал хорошо обращаться с людьми. И вот однажды он сидел, и дошли до него стихи Кан–Макана, и опечалился он о том, что миновало, и вошел к своей жене Нузхат–аз–Заман и сказал ей: "Поистине, соединить траву и огонь – очень опасно, и мужчины не должны доверяться женщинам, пока глядят глаза и мигают веки. Сын твоего брата, Кан–Макан, достиг возраста мужей, и ему не следует позволять входить к носящим на ногах браслеты, и еще необходимо запретить твоей дочери быть с мужчинами, так как подобных ей должно отделять". – "Ты прав, о разумный царь", – сказала Нузхат–аз–Заман.

И когда наступил следующий день, Кан–Макан пришел, как обычно, к своей тетке Нузхат–аз–Заман и поздоровался с ней, а она ответила на его привет и молвила: "О дитя мое, я должна сказать тебе слова, которых не хотела бы говорить, но я тебе расскажу об этом наперекор самой себе". "Говори", – молвил Кан–Макан, и она сказала: "Царедворец, твой отец и отец Кудья–Факан, услышал, какие ты сказал о ней стихи, и приказал отделить ее от тебя. И если тебе, о дитя мое, будет что–нибудь от нас нужно, я вышлю тебе это из–за двери. Не смотри на Кудья–Факан и не возвращайся больше сюда от сего времени".

И Кан–Макан, услышав такие слова, поднялся и вышел, не вымолвив ни одного слова. Он пошел к своей матери и передал ей, что говорила его тетка, и мать его сказала: "Это произошло оттого, что ты много говоришь! Ты знаешь, что слух о твоей любви к Кудья–Факан уже разнесся, и молва об этом всюду распространилась. Как это ты ешь их пищу, а потом влюбляешься в их дочь!" – "А кто ее возьмет, кроме меня, раз она дочь моего дяди и я имею на нее больше всех прав?" – сказал Кан–Макан, но его мать воскликнула: "Прекрати эти речи и молчи, чтобы не дошел слух до царя Сасана! Тогда ты и ее лишишься и погибнешь, и испытаешь много печалей. Сегодня вечером нам ничего не прислали на ужин, и мы умрем с голоду. Если бы мы жили в другом городе, мы бы наверное погибли от мук голода или от позора нищенства".

И когда Кан–Макан услышал от матери эти слова, его печаль усилилась, и глаза его пролили слезы, и он стал стонать и жаловаться и произнес:

"Уменьши упреки ты свои неотступные,

Ведь любит душа моя лишь ту, кто пленил ее,

Терпения от меня ни крошки не требуй ты.

Аллаха святыищем клянусь, я развелся с ним!

Запретов хулителей суровых не слушал я

И вот исповедую любовь мою искренно.

И силой заставили меня с ней не видеться.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Клянусь милосердым я: не буду развратником!

И кости мои, клянусь, услышавши речь о ней,

Походят на стаю птиц, коль сзади их ястребы.

Скажи же хулящий нас за чувство: "Поистине,

О дяди родного дочь, влюблен я в лицо твое!"

А окончив эти стихи, он сказал своей матери: "Для меня нет больше места здесь, подле тетки и этих людей! Нет, я уйду из дворца и поселюсь в конце города".

И его мать покинула с ним дворец и поселилась по соседству с какими-то нищими, а мать Кан-Макана ходила во дворец царя Сасана и брала там пищу, которой они и питались.

А потом Кудья-Факан осталась как-то наедине с матерью Кан-Макана и спросила ее: "О тетушка, как поживает твой сын?" И старуха отвечала ей: "О дочь моя, глаза его плачут и сердце его печально, и он попал в сети любви к тебе!" И она сказала ей стихи, которые произнес Кан-Макан, и Кудья-Факан заплакала и воскликнула: "Клянусь Аллахом, я рассталась с ним не из-за слов его и не из ненависти. Все это потому, что я боялась зла для него от врагов. И тоскую я о нем во много раз сильнее, чем он обо мне, и язык мой не может описать, какова моя тоска. Если бы не болтливость его языка и трепет его души, мой отец не прекратил бы своих милостей к нему и не подверг бы его лишениям. Но жизнь людей изменчива, и терпенье во всяком деле – самое прекрасное. Быть может, тот, кто судил нам расстаться, дарует нам встречу!" И она произнесла такое двустихие:

"О дяди сын, я страсть переживаю

Такую же, как та, что в твоём сердце.

Но от людей любовь свою я скрыла,

О, почему любовь свою не скрыл ты?"

Услышав это, мать Кан-Макана поблагодарила ее и, призвав на нее благословение, ушла и сообщила обо всем своему сыну Кан-Макану, и он еще сильнее стал желать девушку, и его душа ободрилась после того, как он перестал надеяться и остыло его дыхание. "Клянусь Аллахом, я не хочу никого, кроме нее, – сказал он и произнес:

Укоры оставь – словам бранящих не внемлю я.

И тайну открыл я ту, что раньше я скрыть хотел.

И ныне далеко та, чьей близости я желал,

И очи не спят мои, она же спокойно спит".

И затем проходили дни и ночи, а жизнь Кан-Макана была словно на горячих сковородах, пока не минуло в его жизни семнадцать лет, и красота его стала совершенна, и он исполнился изящества. И однажды ночью он не спал, и начал говорить сам с собою, и сказал: "Что я буду молчать о себе, пока не растаю, не видя моей возлюбленной! Нет у меня порока, кроме бедности! Клянусь Аллахом, я хочу уехать из этой страны и бродить по пустыням! И жить в этом городе пытка, и нет у меня здесь ни друга, ни любимого, который бы развлек меня. Я хочу утешиться, уехав с родины на чужбину, пока не умру и не избавлюсь от этих унижений и испытаний". И потом он произнес такие стихи:

"Пусть душа моя все сильнее трепещет – оставь ее!

Безразлично ей, что унижена перед врагом она.

Извини меня, ведь душа моя – точно рукопись,

И заглавием, нет сомнения, служат слезы ей.

Вот сестра моя, словно гурия, появилась к нам,

И Ридван ей дал разрешение, чтоб с небес сойти.

Кто осмелится ей в глаза взглянуть, не боясь мечей

Поражающих, – не спасись тому от вражды ее.

Буду ездить я по земле Аллаха без устали,

Чтоб добыть себе пропитание, ею прогнанный.

И поеду я по земле просторной к спасению,

И душе найду я дары другие, отвергнутый.

И вернусь богатым, счастливый сердцем и радостный.

И сражаться буду я с храбрыми за любимую.

Уже скоро я пригоню добычу, назад идя,

И накинусь я на соперника с полной силою".

А потом Кан-Макан ушел, идя босой, пешком, в рубахе с короткими рукавами, а на голове у него была войлочная ермолка, ношенная уже семь лет, и взял он с собой сухую лепешку, которой было уже три дня. И он вышел в глубоком мраке и пришел к воротам аль-Азадж в Багдаде и встал там, а когда открылись городские ворота, первый, кто вышел из них, был Кан-Макан. И пошел он скитаться куда глаза глядят по пустыням и ночью и днем.

А когда пришла ночь, мать стала искать его и нигде не нашла, и мир сделался для нее тесен, несмотря на его простор, и ничто уже не радовало ее. И она прождала его первый день, и второй день, и третий день, пока не прошло десять дней, но не услышала вести о нем, и

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

стеснилась у нее грудь, и она стала кричать и вопить и воскликнула: "О дитя мое, о друг мой, ты вызвал во мне чувство печали. Я слишком много пережила и потому удалилась от суеты этого мира. Но после твоего ухода я не желаю ни пищи, ни сна. Теперь мне остались только слезы! О дитя мое, из каких стран я буду кликать тебя и какой город приютил тебя?" И затем она глубоко вздохнула и произнесла такие стихи:

"Мы знали: не будет вас, и будем мы мучиться,

И лук расставания направил на нас стрелу.

Седло затянув свое, меня они бросили,

Чтоб смертью терзалась я, покуда в песках они.

Во мраке ночном ко мне донесся стон голубя,

Чья шея украшена, и молвила: "Тише!" – я.

Я жизнью твоей клянусь, будь грустно ему, как мне,

Не вздумал бы украшать он шею и красить ног. Ведь бросил мой друг меня, и после я вынесла

Заботы и горести; не бросят меня они".

После этого она отказалась от питья и пищи, и усилились ее плач и рыдания, и она плакала на людях и довела до слез рабов Аллаха и всю страну. И люди стали говорить: "Где твои глаза, о Дау-аль-Макан?" И сетовали на пристрастие судьбы, и говорили они: "Посмотреть бы, что же случилось с Кан-Маканом, почему он удалился с родины и изгнан отсюда, хотя его отец насыщал голодных и призывал к справедливости и праводушию".

И плач и стоны его матери усилилась, и весть об этом дошла до царя Сасана..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до ста сорока

Когда же настала ночь, дополняющая до ста сорока, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что до царя Сасана дошли через старших эмиров сведения о том, что случилось с Кан-Маканом, и они сказали ему: "Это сын нашего царя и потомок царя Омара ибн ан-Нумана, и стало нам известно, что он покинул родину для чужбины". И, услышав это, царь Сасан разгневался на эмиров и приказал удавить и повесить одного из них, и страх перед ним запал в сердца остальных вельмож, и никто из них не смел заговорить. Потом Сасан вспомнил, что Дау-аль-Макан оказал ему милости и поручил ему заботиться о своем сыне, и опечалился он о Кан-Макане и сказал: "Его непременно надо разыскать во всех странах".

И он призвал Теркаша и велел ему выбрать сотню всадников, взять их и поискать Кан-Макана. И Теркаш удалился и отсутствовал десять дней, а потом вернулся и сказал: "Я не узнал вестей о нем и не напал на его следы, и никто мне ничего про него не рассказал". А царь Сасан опечалился из-за того, что он так поступил с Кан-Маканом. Что же касается матери юноши, то она потеряла покой, и терпение не повиновалось ей, и прошло над нею двадцать долгих дней.

Бог что было с этими. Что же касается Кан-Макана, то, выйдя из Багдада, он растерялся и не знал, куда идти. Он шел по пустыне три дня один, но видя ни пешего, ни всадника, и сон улетел от него, и бессонница его усилилась, и думал он о близких и родине. И стал он питаться растениями с земли и пил воду из рек, и отдыхал каждый полдень, во время жары, под деревьями. И он сошел с этой дороги на другую и шел по ней три дня, а на четвертый день он приблизился к земле, где долины были покрыты свежей травой и украшены растительностью, и склоны их были прекрасны, а земля эта напилась из чаши облаков под звуки грома и крик голубей, и склоны ее зазеленели, и прекрасны стали ее равнины.

И Кап-Макан вспомнил город своего отца, Багдад, и в тоске произнес:

"Я вышел в надежде вернуться опять,

По только не знаю, когда я вернусь,

Бежал я из дома, ее полюбив,

Раз то, что случилось, нельзя устранить".

И, окончив свои стихи, он заплакал, и потом вытер слезы и поел растений, и помылся и совершил обязательные молитвы, которые пропустил за это время, и просидел в том месте, отдыхая, целый день. А когда пришла ночь, он лег спать и проспал до полуночи, и потом проснулся и услышал голос человека, который говорил:

"Лишь в том ведь жизнь – чтобы мог ты видеть улыбки блеск

С уст возлюбленной и лицо ее прекрасное.

Ведь о ней молились в церквах своих епископи,

Пред нею ниц стараясь поскорее пасть.

И легче смерть, чем с возлюбленной расставание,

Чей призрак в ночь бессонною не явится.

О, радость сотрапезников, сойдутся коль

И возлюбленный и любящий там встретятся.

Особенно как весна придет и цветы ее,

Приятно время! Дает оно, чего хочешь ты.

О вы, пьющие золотистое, подымитесь же!

Вот земли счастья, и струи вод изобильны в ночи".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Когда Кан–Макан услышал эти стихи, в нем взволновались горести, и слезы ручьями побежали по его щекам, и в сердце его вспыхнуло пламя. Он хотел посмотреть, кто произнес эти слова, но никого не увидел во мраке ночи, и тоска его усилилась, и он испугался, и волнение охватило его. И он ушел с этого места, и спустился в долину и пошел по берегу реки и услышал, как обладатель того голоса испускает вздохи и говорит такие стихи:

"Коль горе в любви таил ты прежде из страха,

Пролей же в разлуки день ты слезы свободно.

Меж мной и любимым союз заключен любви,

Всегда к ним поэтому стремиться я буду.

Стремлюсь я сердцем к ним, и страсти волнение

Приносит прохлады мне, как ветры подуют.

О Сада, запомнит ли браслеты носящая,

Расставшись, обет былой и верные клятвы?

Вернутся ль когда–нибудь дни давние близости,

Расскажет ли всяк из нас о том, что он вынес?

Сказала: "Любовью к нам сражен ты?" – и молвил я:

"А скольких – храни тебя Аллах! – ты сразила?"

Не дай же Аллах очам увидеть красу ее,

Коль вкусит в разлуке с ней дремоты усладу:

О, гнало змеи в душе! Одно лишь спасенье ей:

Лишь близость и была бы ей лекарством".

И когда Кан–Макан второй раз услышал, как знакомый голос говорит стихи, и никого не увидел, он понял, что говоривший – влюбленный, как и он, и лишен близости с тем, кого любит. "Этот может положить свою голову рядом с моей, и я сделаю его своим другом здесь, на чужбине!" – подумал он. И, прочистив голос, крикнул: "О шествующий в эту мрачную ночь, приблизься ко мне и расскажи мне свою повесть; быть может, ты найдешь во мне помощника в испытании!"

И говоривший, услышав эти слова, крикнул: "О ты, ответствующий на мой призыв и внимающий моей повести, кто ты среди витязей, – человек или джинн? Поспеши мне ответить раньше, чем приблизится к тебе гибель, ибо вот уже около двадцати дней иду я по этой пустыне и не вижу человека и не слышу голоса, кроме своего!"

Услышав эти слова, Кан–Макан подумал: "Повесть этого человека подобна моей повести, я тоже иду двадцать дней и не вижу человека и не слышу ничьего голоса. Я не отвечу ему, пока не настанет день", – сказал он себе и промолчал.

А говоривший крикнул: "О зовущий, если ты из джиннов, то иди с миром, а если ты человек, то подожди, пока взойдет заря и наступит день, и уйдет ночь с ее мраком". И кричавший остался на своем месте, а Кан–Макан на своем, и они все время говорили друг другу стихи и плакали обильными слезами, пока не настал светлый день и не ушел мрак ночи. И тогда Кан–Макан посмотрел на говорившего и увидел, что это араб из пустыни, и был он юноша по годам, одетый в потертую одежду и опоясанный мечом, который заржавел в ножнах, и все в нем говорило о влюбленности.

И Кан–Макан подошел и, приблизившись к юноше, приветствовал его, а бедуин ответил на его привет и пожелал с уважением ему долгой жизни. Но, увидев, что Кан–Макан по виду бедняк, он счел его нищим и сказал: "О молодец, какого ты племени и от кого из арабов ведешь свой род? Какова твоя повесть и почему ты шел ночью, когда это дело храбрецов? Ты говорил мне ночью слова, которые может сказать только благородный витязь и неустрашимый храбрец, а теперь твоя душа в моих руках. Но я пожалею твои молодые годы и сделаю тебя моим товарищем, и ты будешь у меня в услужении".

И, услышав, как он грубо говорит, хотя раньше проявил умение слагать стихи, Кан–Макан понял, что бедуин его презирает и осмелел с ним, и тогда сказал ему ясно и ласково: "О начальник арабов, оставим мои молодые годы, и расскажи мне, почему ты идешь ночью в пустыне и говоришь стихи. Ты сказал мне, что я буду служить тебе, кто же ты такой и что побудило тебя говорить так?" – "Слушай, молодец, – сказал бедуин, – я Саббах ибн Раммах ибн Химмам, и мое племя из арабов Сирии, и у меня есть двоюродная сестра по имени Неджда, – кто видел ее, к тому приходило счастье. Мой отец умер, и воспитывался я у дяди, отца Неджды, и когда я вырос и выросла дочь моего дяди, он отделил ее от меня и меня отделил от нее, так как видел, что я беден и у меня мало денег. И я пошел к вельможам арабов и начальникам племен и натравил их на него, и мой дядя устыдился и согласился отдать мне мою двоюродную сестру, но только поставил условие, чтобы я дал за нее в приданое пятьдесят голов коней, пятьдесят одногорбых верблюдов, груженных пшеницей, столько же верблюдов, груженных ячменем, десять рабов и десять невольниц. Он возложил на меня непосильное бремя и запросил слишком много в приданое. И вот я иду из Сирии в Ирак и уже двадцать дней не видал никого, кроме тебя. Я решил пойти в Багдад и посмотреть, как выйдут оттуда зажиточные и знатные купцы, и я выйду следом за ними, ограблю их имущество, убью их людей и угоню их верблюдов с тюками! А ты из каких людей будешь?"

"Твоя повесть подобна моей повести, – отвечал КанМакан, – но мой недуг опаснее твоего, так как моя двоюродная сестра – дочь царя и ее родным недостаточно получить от меня то, о чем ты говорил, и ничто такое их не удовлетворит!" – "Ты, верно, слабоумный или помешанный от сильной любви! – воскликнул Саббах. – Как может дочь твоего дяди быть царевной, когда ты не похож на потомка царей и ты просто нищий". – "О начальник арабов, – сказал Кан–Макан, – не дивись этому! Что прошло, то прошло. А если хочешь знать, то я Кан–Макан, сын царя Дау–аль–Макана, внук царя Омара ибн анНумана, владетеля Багдада и земли Хорасана. Время озлобилось на меня, и мой отец умер, и султаном стал царь Сасан, и я вышел из Багдада тайком, чтобы ни один человек меня не увидел. Вот я уже двадцать дней никого, кроме тебя, не видел. Твоя повесть подобна моей повести, и твоя работа подобна моей заботе".

И, услышав это, Саббах вскричал: "О, радость! Я достиг желаемого, и не нужно мне сегодня наживы, кроме тебя, так как ты из потомков царей, хоть вышел в виде нищего. Твои родные обязательно будут искать тебя, и когда они тебя найдут у кого–нибудь, то за большие деньги тебя выкупят. Живее! Поворачивай спину, молодец, и иди передо мной!" – "Не делай этого, о брат арабов, – сказал Кан–Макан, – мои родные не дадут, чтобы меня выкупить, ни серебра, ни золота, ни медного дирхема. Я – человек бедный, и нет со мной ни малого, ни многого. Брось же свои повадки и возьми меня в товарищи. Пойдем в землю иракскую и будем бродить по всем странам; может быть, мы достанем приданое и выкуп и насладимся поцелуями и объятиями наших двоюродных сестер".

Услышав эти слова, бедуин Саббах разгневался, и усилились его высокомерие и ярость. "Горе тебе! – воскликнул он, – как смеешь ты еще отвечать мне! О гнуснейшая из собак, поворачивай спину, а не то я тебя помучаю!" Но Кан–Макан улыбнулся и сказал: "Как это я повернусь к

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

тебе спиной! Нет разве в тебе справедливости и не боишься ты поношения от бедуинов, если погонишь такого человека, как я, пленником, в позоре и унижении, не испытай его на поле, чтобы узнать, витязь он или трус".

И Саббах засмеялся и воскликнул: "О, диво Аллаха! Ты по годам юноша, но речами старик, ибо такие слова исходят только от разящего храбреца. Какой же ты хочешь справедливости?" – "Если ты желаешь, чтобы я был твоим пленником и служил тебе, – ответил Кан–Макан, – брось свое оружие, скинь одежду, пойдешь ко мне и поборись со мною, и тот, кто победит соперника, получит от него что пожелает и сделает его своим другом". – "Я думаю, – сказал Саббах и рассмеялся, – что твоя болтливость указывает на близость твоей гибели".

И он поднялся, кинул оружие, подобрал полы и подошел к Кан–Макану, и тот тоже подошел к нему, и они стали перетягиваться, и бедуин увидел, что Кан–Макан превосходит его и перетягивает, как кантар перетягивает динар. Он посмотрел, твердо ли стоят на земле его ноги, и увидал, что они точно два врытых минарета или вбитые палки, или горы, вросшие в землю, и тогда он понял, что руки его коротки, и раскаялся, видя, что скоро будет повержен, и сказал про себя: "О, если бы я сразился с ним оружием!"

А потом Кан–Макан схватил его и, справившись с ним, потряс его, и бедуин почувствовал, что кишки рвутся у него в животе, и закричал: "Убери руки, о молодец!" Но Кан–Макан не обратил внимания на его слова и встряхнул его, поднял с земли и направился с ним к реке, чтобы кинуть его туда.

И бедуин закричал: "О храбрец, что ты намерен сделать?", а Кан–Макан отвечал: "Я хочу кинуть тебя в эту реку: она принесет тебя в Тигр, а Тигр будет течь с тобою в канал Исы, а канал Исы приведет тебя в Евфрат, закинет тебя к твоей стране, и твои родные увидят и признают тебя и уверятся в твоём мужестве, искренности и любви". – "О витязь долин, вскричал Саббах, – не совершай деяний скверных людей! Отпусти меня ради жизни дочери твоего дяди, красы прекрасных!"

И Кан–Макан положил его на землю, и бедуин, увидя, что он свободен, подошел к своему мечу и щиту и взял их, а потом долго сидел, советуясь со своей душой, как обмануть Кан–Макана и напасть на него. И Кан–Макан понял это по его глазам и крикнул: "Я знаю, что родилось в твоём сердце, когда ты овладел своим мечом и щитом! В борьбе у тебя руки коротки и нет у тебя ловкости, а если бы ты гарцевал на коне и кинулся на меня с мечом, ты бы давно уже был убит. Я предоставляю тебе то, что ты выберешь, чтобы не осталось в твоём сердце порицания: дай мне щит и кинься на меня с мечом – или ты убьешь меня, или я убью тебя". – "Возьми его, вот он!" – крикнул бедуин и, бросив ему щит, обнажил меч и ринулся на Кан–Макана, а тот взял щит в правую руку и встречал им меч, защищаясь.

И Саббах бил его и говорил: "Остается еще только вот этот удар!" Но выходило, что удар не убивал, и Кан–Макан принимал его на щит, и удар пропадал даром. А сам КанМакан не ударял бедуина, так как ему было нечем бить, и Саббах до тех пор бил его мечом, пока не утомилась его рука.

И его противник понял это и, ринувшись на него, обхватил его и потряс и бросил на землю и, повернув его спиной, скрутил его перевязью ножен. Он потащил его за ноги и направился с ним к реке, и Саббах закричал: "Что ты хочешь делать со мною, о юноша, витязь своего времени и храбрец на поле битвы?" – "Разве не говорил я тебе, что хочу отправить тебя по реке к твоим родным и близким, чтобы твой ум не был занят ими, а их ум не был бы занят тобой, и ты бы не опоздал на свадьбу твоей двоюродной сестры", – сказал Кан–Макан. И Саббах застонал и заплакал и закричал: "Не делай этого, о витязь своего времени! Отпусти меня, и пусть я буду одним из твоих слуг!" И он стал плакать и жаловаться и произнес:

"Покинул я близких всех; как долго вдали я был!

О, если бы знать я мог, умру ль на чужбине!

Умру, и не будут знать родные, где я убит;

Погибну в стране чужой, не видя любимых",

И Кан–Макан пожалел его и сказал: "Обещай мне и дай обет и верную клятву, что ты будешь мне хорошим товарищем и пойдешь со мною вместе по всякому пути".

И Саббах сказал: "Хорошо!" и обещал ему это, и Кан

Макан отпустил его. И Саббах поднялся и хотел поцеловать руку Кан–Макана, но тот не дал ему этого сделать.

Тогда бедуин развязал свой мешок и, вынув оттуда три ячменные лепешки, положил их перед Кан–Маканом, и сел с ним на берегу реки, и оба поели вместе, а окончив есть, они совершили омовение и помолились и сидели, разговаривая о том, что они испытали от своих родных и от превратностей времени.

"Куда ты направляешься?" – спросил Кан–Макан, и Саббах ответил: "Я направляюсь в Багдад, в твой город, и останусь там, пока Аллах не пошлет мне ее приданое". – "Вот дорога перед тобою, а я останусь здесь", – сказал Кан–Макан, и бедуин простился с ним и направился по багдадской дороге, а Кан–Макан поднялся и сказал про себя: "О душа, с каким лицом мне возвращаться в бедности и нужде! Клянусь Аллахом, я не приду назад, но неизбежно для меня облегчение, если захочет Аллах великий!"

А потом он пошел к реке и совершил омовение и помолился, и, падая ниц, он прикоснулся лбом к земле и воззвал к своему господу, говоря: "Бог мой, что низводишь капли и посылаешь пищу червям на камнях, прошу тебя, пошли и мне мой удел по твоему могуществу и благой милости!" А потом он закончил молитву приветствием, и все пути были для него тесны.

И он сидел, оборачиваясь направо и налево, и вдруг видит: всадник подъезжает на коне, согнув спину и опустив поводья. И Кан–Макан сел прямо, и через минуту подъехал к нему всадник (а он был при последнем издыхании и не сомневался в своем конце, так как у него была глубокая рана). И когда он подъехал, слезы текли по его щекам, как из устья бурдюков.

"О начальник арабов, – сказал он Кан–Макану, – возьми меня, пока я жив, себе в друзья, ибо ты не найдешь подобного мне, и дай мне немного воды напиться, хотя не следует раненому пить воду, особенно когда исходит он кровью и испускает дух. Если я останусь жив, я дам тебе чем излечить твою горе и бедность, а если умру, ты будешь счастлив от твоего хорошего намерения".

А под этим всадником был конь из чистокровных коней, которого не в силах описать язык, и ноги его были как мраморные колонны, и когда Кан–Макан взглянул на этого всадника и его коня, его охватило волнение, и он сказал про себя: "Поистине, коня, подобного этому, не найти в теперешнее время!" Потом он помог всаднику сойти и был с ним ласков и дал ему проглотить немного воды, и, подождав, пока он отдохнул, обратился к нему и спросил: "Кто сделал с тобою такие дела?"

"Я расскажу тебе правду, – ответил всадник. – Я – конокрад и разбойник, всю жизнь краду лошадей и похищаю их ночью и днем, и зовут меня Гассан – бедствие для всех кобылиц и коней. Я услышал об этом коне, что был в землях румов у царя Афридуна (а он дал ему имя аль–Катуль и прозвал его Меджнун [194], и поехал из–за него в аль–Кустантынию и стал его высматривать. И когда я был у дворца, вдруг вышла старуха, уважаемая у румов, чье приказание у них исполняется, и зовут ее Шавахи, Зат–ад–Давахи, и достигла она предела в обманах. И с нею был этот конь, а сопровождало ее только десять рабов, не более, чтобы прислуживать ей и ходить за конем. И направилась она в Багдад и Хорасан, желая попасть к царю Сасану, чтобы попросить у него мира и безопасности.

И я вышел за нею следом, позарившись на коня, и непрестанно шел за ними, но не мог подойти к коню, так как рабы усиленно стерегли его. И наконец они достигли этой земли, и я испугался, что они вступят в город Багдад. И когда я советовался со своей душой, как украсть коня, вдруг поднялась пыль, застлавшая края неба, и, рассеявшись, эта пыль открыла пятьдесят всадников, которые собрались, чтобы

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

огрابت на дороге купцов. А во главе их был храбрец подобный терзающему льву, которого зовут Кахрдаш, и на войне он точно лев, что разгоняет храбрецов, как бабочек..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто сорок первая ночь

Когда же настала сто сорок первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что раненый всадник говорил Кан-Макану: "И Кахрдаш напал на старуху и тех, кто был с нею, и ринулся на них и закричал и устремился, и не прошло минуты, как он связал десятерых рабов и старуху и, взяв у них коня, поехал с ними, радостный, и я сказал про себя: "Пропали мои труды, и я не достиг цели!"

Потом я стал выжидать, чтобы посмотреть, что будет дальше, а старуха, увидав себя в плену, заплакала и сказала начальнику Кахрдашу: "О благородный витязь и храбрый лев, что ты будешь делать со старухой и с рабами? Ты ведь достиг чего хотел, забравши коня".

И она обманула его мягкими речами и поклялась, что пригонит к нему коней и овец, и тогда Кахрдаш отпустил рабов и старуху и уехал со своими людьми, а я следовал за ними, пока они не достигли этих земель, и все поглядывал на коня и ехал за ними. И наконец я нашел путь к коню и украл его и сел на него верхом и, вынув из торбы плетень, ударил его. Но едва люди увидели меня, они подъехали и, окружив меня со всех сторон, стали разить стрелами и копьями, но я был тверд на коне, а он отбивался, защищая меня, передними и задними ногами, пока не унес меня от них, точно спущенная стрела или падающая звезда.

Но только мне досталось несколько ран, и я уже три дня на спине коня не вкушаю сна и не наслаждаюсь пищей. Мои силы иссякли, и мир стал для меня ничтожен, а ты оказал мне милость и пожалел меня. Ты, я вижу, наг телом и явно скорбишь, хотя на тебе видны следы благоденствия. Кто же ты, откуда ты прибыл и куда направляешься?"

И Кан-Макан ответил ему: "Мое имя Кан-Макан, я сын паря Дау-аль-Макана, сына царя Омара ибн ан-Нумана. Мой отец умер, и я воспитывался сиротой, а после него взял власть человек скверный и стал царем над низким и великим". И он рассказал ему свою повесть, с начала до конца, и конокрад, который пожалел его, воскликнул: "Клянусь Аллахом, ты человек великого рода и большой знатности и ты еще совершишь дела и станешь храбрейшим из людей своего времени! Если ты можешь свезти меня, сидя на коне сзади, и доставить меня в мою страну, тебе будет почет в этой жизни и награда в день призыва. У меня не осталось сил, чтобы удержать мою душу, и если наступит другая жизнь, то ты достойнее иметь коня, чем кто-нибудь иной". – "Клянусь Аллахом, – отвечал Кан-Макан, – если бы я мог снести тебя на плечах и поделиться с тобою жизнью, я бы это сделал и без коня, ибо я из тех, что оказывают милость и помогают огорченному. Ведь совершение добра ради Аллаха великого отгонит семьдесят бедствий от творящего. Соберись же в путь и положишься на милостивого и всеведущего".

И он хотел поднять его на коня, уповая на Аллаха, подателя помощи, но конокрад сказал: "Подожди немного! – и, зажмурив глаза, поднял руки и воскликнул: – Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед – посланник Аллаха! О великий, – продолжал он, прости мне мой великий грех, ибо не простит греха великого никто, кроме великого!"

И он приготовился к смерти и произнес такие стихи:

"Рабов обижал я, по землям кружа,

И жизнь проводил, упиваясь вином.

В потоки входил я, коней чтоб украсть,

И спины ломал я, дурное творя.

Дела мои страшны, и грех мой велик,

И кражей Катуля я их завершил.

Желанной я цели стремился достичь,

Похитив коня, но напрасен мой труд.

И целую жизнь я коней уводил,

Но смерть всемогущий Аллах мне судил.

И кончил я тем, что страдал и устал

Для блага пришельца, что беден и сир".

А окончив свои стихи, он закрыл глаза, открыл рот и, испустив крик, расстался со здешним миром. И Кан-Макан поднялся и вырыл ему яму и зарыл его в землю, а затем он подошел к коню, поцеловал его и вытер ему морду и обрадовался сильною радостью и воскликнул: "Никому не посчастливилось иметь такого коня, и нет его у царя Сасана!"

Вот что было с Кан-Маканом. Что же касается царя Сасана, то до него дошли вести о том, что везирь Дандан вышел из повиновения вместе с половиною войск, и они поклялись, что не будет над ними царя, кроме Кан-Макана. И везирь взял со своих войск верные обеты и клятвы к ушел с ними на острова Индии и к берберам [195] и в страну черных, и присоединились к ним войска, подобные полноводному морю, которым не найти ни начала, ни конца. И везирь решил направиться с ними в город Багдад и овладеть этими странами и убить тех из рабов, что будут прекословить ему, и поклялся, что не вложит меча войны обратно в ножны, пока не сделает царем Кан-Макана.

И когда эти вести дошли до царя Сасана, он утонул в море размышлений и понял, что все в царстве обернулось против него, и малые и великие, и усилились его заботы и умножились его горести. И он открыл кладовые и роздал вельможам своего царства деньги. И желал он, чтобы Кан-Макан явился к нему, и он привлек бы к себе его сердце ласкою и милостью и сделал бы его эмиром над войсками, которые не вышли из повиновения, чтобы погасить эти искры от огня, зажженного везирем Данданом.

А Кан-Макан, когда до него дошли через купцов такие вести, поспешно вернулся в Багдад на спине того коня. И царь Сасан сидел на своем престоле, растерянный, и вдруг он услышал о прибытии Кан-Макана. И все войска и вельможи Багдада выступили ему навстречу, и жители Багдада все вышли, и встретили Кан-Макана и шли перед ним до дворца, целуя пороги. И невольницы с евнухами пошли к его матери и обрадовали ее вестью о прибытии сына, и она пришла к нему и поцеловала его меж глаз, а он сказал: "О матушка, дай мне пойти к моему дяде, царю Сасану, который осыпал меня подарками и милостями".

Вот! А умы обитателей дворца и вельмож пришли в смущение от красоты того коня, и они говорили: "Не владел подобным конем никакой человек!" И Кан-Макан вошел к царю Сасану и поздоровался с ним, и тот встал, а Кан-Макан поцеловал его руки и ноги и предложил ему коня в подарок. И царь сказал ему: "Добро пожаловать! – и воскликнул: – Приют и уют моему сыну Кан-Макану! Клянусь Аллахом, мир стал тесен для меня из-за твоего отсутствия! Слава Аллаху за твое спасение!"

И Кан-Макан призвал на царя милость Аллаха. А потом царь взглянул на коня, названного Катулем, и узнал, что это тот конь, которого он

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

видел в таком-то и таком-то году, когда осаждал поклонников креста вместе с отцом Кан-Макана, Дау-аль-Маканом, и был убит его дядя ШаррКан. "Если бы твой отец мог завладеть им, он наверное купил бы его за тысячу коней, сказал он, – но теперь слава возвратилась к его семье, и мы принимаем коня и дарим его тебе. Ты достойнее всех людей иметь его, так как ты господин витязей".

Потом царь Сасан велел принести почетные одежды для Кан-Макана и привел ему коней, а затем он назначил ему во дворце самое большое помещение, и пришли к нему слава и радость. И царь дал Кан-Макану большие деньги я оказал ему величайшее уважение, так как он боялся везиря Дандана.

И Кан-Макан обрадовался тому, что Прекратилось его унижение и ничтожество. Он вошел в свой дом и пришел к матери и спросил ее: "О матушка, как живетя дочери моего дяди?" И она сказала: "О дитя мое, в мыслях о твоём отсутствии я забыла обо всех, даже о твоей любимой, особенно потому, что она была виновницей твоей отлучки и моей разлуки с тобою". И Кан-Макан пожаловался ей и сказал: "О матушка, пойди к ней и попроси ее, может быть она подарит мне один взгляд и прекратит мою печаль", но мать ответила: "Все это – желание гнуть шею мужей; оставь же то, что приведет к беде! Я к ней не пойду и не войду к ней с такими словами".

Услышав это от своей матери, Кан-Макан передал ей рассказ конокрада о том, что старуха Зат-ад-Давахи вступила в их земли и хочет войти в Багдад, и сказал: "Это она убила моего дядю и деда, и мне надлежит обязательно отомстить ей и снять с себя позор".

Потом он оставил свою мать и пошел к одной старухе, неверной, развратной, жадной хитрице по имени Садана, и пожаловался ей на то, что чувствует, и на любовь к дочери своего дяди, Кудья-Факан, и попросил ее пойти к ней и уговорить девушку. И старуха ответила ему: "Слушаю и повинуюсь!" – и, расставшись с ним, она пошла во дворец Кудья-Факан и уговорила и смягчила ее сердце к его участи. И затем она вернулась к нему и сказала: "Кудья-Факан приветствует тебя и обещает, что в полночь придет к тебе..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто сорок вторая ночь

Когда же настала сто сорок вторая ночь, Шахразада сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха, придя к Кан-Макану, сказала ему:

"Дочь твоего дяди приветствует тебя, и она придет к тебе сегодня в полночь".

И Кан-Макан обрадовался и сидел, ожидая исполнения обещания дочери своего дяди, Кудья-Факан. И едва настала полночь, как она пришла к нему в черном шелковом плаще и, войдя, пробудила его от сна и воскликнула: "Как это ты утверждаешь, что любишь меня, а сам ни о чем не думаешь и спишь себе в наилучшем состоянии!" И КанМакан проснулся и воскликнул: "О желание сердца, я спал только потому, что хотел, чтобы твой призрак посетил меня!"

И тогда она стала укорять его мягкими словами и произнесла такие стихи:

"Коль искренен был бы ты в любви,

Ко сну склониться не мог бы ты,

Утверждающий, что путь любящих

Ты прошел в любви и страстях твоих!

Поклянусь Аллахом, о дяди сын,

Не сомкнет очей сильно любящий!"

Услышав это от дочери своего дяди, Кан-Макан устыдился и, поднявшись, стал оправдываться. И они обнялись и стали сетовать на мучения разлуки и продолжали это, пока не взошла заря и не разлилась по краям неба. И тогда Кудья-Факан собралась уходить, и Кан-Макан заплакал и, испуская глубокие вздохи, произнес такие стихи:

"О ты, посетившая за долгой разлукою

Жемчужины уст твоих рядами нанизаны.

Лобзал я раз тысячу тебя, обнимал твой стан,

А ночью щека моя так близко к твоей была,

Пока не пришла заря, что нас разлучить должна,

Как острый меча клинок, из ножен блеснувший вдруг".

А когда он окончил свои стихи, Кудья-Факан простилась с ним и вернулась в свои покои. Она рассказала некоторым невольницам о своей тайне, и одна из них пошла к царю и осведомила царя Сасана, и тот отправился к Кудья-Факан и, войдя к ней, обнажил над нею меч, желая убить ее. Но ее мать, Нузхат-аз-Заман, вошла и сказала царю: "Заклинаю тебя Аллахом, не делай ей дурного! Если ты сделаешь с ней дурное, весть об этом распространится среди людей, и ты будешь опозорен между царями своего времени. Знай, что Кан-Макан не дитя прелюбодеянья, и он воспитывался с нами. Он обладает честью и мужеством и не совершит поступка, достойного укора. Подожди же и не торопись! Среди жителей дворца и обитателей Багдада распространились вести о том, что везирь Дандан ведет войска со всех земель и привел их, чтобы сделать царем Кан-Макана".

"Клянусь Аллахом, – отвечал царь, – я непременно ввергну Кан-Макана в беду, чтобы его не носила земля и не осеняло небо! Я оказал ему милость и хорошо обращался с ним только из-за жителей моего царства и вельмож, чтобы они не склонились к нему, и ты скоро увидишь, что будет". И он оставил ее и вышел, обдумывая дела своего царства.

Вот что было с царем Сасаном. Что же касается КанМакана, то он пришел на другой день к своей матери и сказал: "О матушка, я решил совершать набеги и грабить на дорогах, и угонять коней, скотину, рабов и невольников, а когда мое богатство умножится и станет хорошим мое положение, я посватаю мою двоюродную сестру, Кудья-Факан, у моего дяди, царя Сасана". – "О дитя мое, – сказала ему мать, – чужие богатства не лежат без охраны перед тобой, и за них придется бить мечами и разить копьями, и охраняют их люди, которые пожирают зверей и опустошают земли, ловят львов и охотятся на барсов!" Но Кан-Макан воскликнул: "Не бывать тому, чтобы я отказался от своего намерения раньше, чем достигну желанной цели!"

А потом он послал старуху уведомить Кудья-Факан о том, что он уезжает, чтобы раздобыть приданое, достойное ее, и сказал старухе: "Обязательно спроси ее и принеси мне ответ". И старуха отвечала: "Слушаю и повинуюсь!" – и отправилась к девушке и, вернувшись с ответом, сказала: "Она придет к тебе в полночь".

И Кан-Макан просидел без сна до полуночи, и его охватило волнение, и он не заметил, как девушка вошла к нему со словами: "Моя душа выкупит тебя от бессонницы!" И тогда он поднялся перед нею и воскликнул: "О желание сердца, моя душа выкупит тебя от всех зол!" И он

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

осведомил ее о том, на что решился, и девушка заплакала, а Кан-Макан сказал ей: "Не плачь, о дочь дяди! Я буду просить того, кто судил нам расстаться" чтобы он нам ниспослал встречу и поддержку".

И затем Кан-Макан собрался выезжать и, придя к своей матери, попрощался с ней, вышел из дворца, подвязал свой меч и надел тюрбан и налечник, а после того сел на своего коня Катудя и проехал через город, походя на луну.

И он достиг ворот Багдада и вдруг видит: его товарищ; Саббах ибн Раммах выезжает из города. И, увидев КанМакана, он побежал рядом с его стремением и приветствовал его, и Кан-Макан ответил на его приветствие, а Саббах сказал ему: "О брат мой, как тебе достались этот конь и меч и одежда, а я до сих пор ничего не имею, кроме меча и щита?" – "Охотник возвращается лишь с такой дичью, какую хотел поймать, – отвечал Кан-Макан. – Через час после разлуки с тобой мне досталось счастье. Не хочешь ли пойти со мною, питая чистые намерения и сопутствовать мне в этой пустыне?"

"Клянусь господином Каабы, я буду теперь называть тебя только владыкой!" – воскликнул Саббах и побежал перед его конем, держа на руке меч и с мешком за плечами, а Кан-Макан ехал сзади.

Так они углублялись в пустыню четыре дня и ели пойманных газелей и пили воду из ручьев, а на пятый день приблизились к высокому холму, под которым были луга и проточный пруд, и там находились верблюды, коровы, овцы и кони, которые заполнили холмы и долины" а их детеныши играли вокруг загона. И при виде этого Кан-Макан сильно обрадовался, и грудь его исполнилась веселья, и он вознамерился вступить в бой, чтобы захватить верблюдиц и верблюдов.

"Нападем на этот скот, оставленный его обладателями. И сразись ты вместе со мною, с ближними и дальними, чтобы получить свою долю, захватив животных", – сказал он Саббаху. Но Саббах воскликнул: "О владыка, ими владеет множество людей, и среди них есть храбрецы, конные и пешие, и если мы бросимся в это страшное дело, нам грозит великая опасность. Никто из нас не вернется к своей семье целым, и мы оставим наших двоюродных сестер одинокими".

И Кан-Макан засмеялся и понял, что Саббах трус. Он оставил его и спустился с холма, намереваясь сделать набег, и закричал, и произнес нараспев такие стихи:

"Клянусь семьей я Нумана, мы доблестны,

Владыки мы, что снимают всем головы!

И если бой предстоит нам, горячий бой,

На поле битвы мы твердо всегда стоим.

Бедняк всегда спит спокойно, средь нас живя,

Лица нужды он не видит ужасного.

Надеюсь я, что поддержку окажет мне

Владыка царей, создавший весь род людской".

И затем он понесся на этих верблюдиц, словно распаленный верблюд, и погнал всех верблюдов, коров, овец и коней. И поспешили к нему рабы с блестящими мечами и длинными копьями, и в первых рядах их был всадник турок, сильный в бою и сече, знающий, как работать темными копьями и белыми клинками. И он понесся на КанМакана и крикнул ему: "Клянусь Аллахом, если бы ты знал, чей это скот, ты не совершил бы таких поступков!

Знай, что эти животные принадлежат отряду румов, морских храбрецов, и полку черкесов [196], из которых все мрачные смельчаки и их сто витязей, что вышли из повиновения всем султанам. У них украли коня, и они поклялись, что не вернутся отсюда без него".

Услышав это, Кан-Макан закричал: "О мерзавцы! Вот он, конь, которого вы разумеете и ищете и желаете из-за него со мною сразиться! Выступайте же на меня все вместе и делайте, что хотите!"

Потом он крикнул меж ушей Катудя и вылетел на них, словно гуль. И Кан-Макан повернулся к одному всаднику, ударил его копьем и скинул, вырвав ему почку, и направился ко второму, и к третьему, и к четвертому и лишил их жизни, и тогда рабы устремились к нему, а он крикнул: "О дети развратниц, гоните скот и коней, а не то я окрашу зубцы моего копья вашей кровью!"

И они погнали скот и устремились вперед, и тут спустился к Кан-Макану Саббах и стал громко кричать и сильно обрадовался, но вдруг поднялась пыль и полетела, Застилая края неба, и показалась под нею сотня всадников, словно хмурые львы. И Саббах убежал и забрался на верхушку холма, покинув долину, и стал смотреть на бой, говоря: "Я витязь только для забавы и в шутку!"

А сто всадников обступили Кан-Макана и окружили его отовсюду и со всех сторон, и один из них выступил к нему и спросил: "Куда ты направляешься с этим скотом?" – "Я возьму его и уведу, и ты лишишься его, – ответил Кан-Макан. – Если хочешь, сражайся, но знай, что перед этими животными устрашающий лев и благородный муж, и меч, который режет всюду, куда ни повернется".

Услышав эти слова, всадник посмотрел на Кан-Макана и увидел, что он подобен неустрашимому льву, но лицо его – словно луна, восходящая в четырнадцатую ночь, и доблесть сияет меж его глаз. А этот всадник был предводителем тех ста всадников, и имя его было Кахрдаш. И он увидел, что Кан-Макан, вместе с полною доблестью, наделен редкими прелестями и что красота его походит на красоту возлюбленной Кахрдаша, по имени Фатин. А она была из женщин, прекраснейших лицом, и Аллах даровал ей такую красоту, и прелесть, и благородные качества, и всякие тонкие свойства, что ее бессилен описать язык, и сердца людей были заняты ею.

А витязи того племени страшались ее ярости, и храбрецы той земли боялись и почитали ее. И она дала клятву, что выйдет замуж и даст над собою власть лишь тому, кто осилит ее. А Кахрдаш был в числе тех, кто сватался к ней, но она сказала своему отцу: "Ко мне приблизится лишь тот, кто меня осилит на поле битвы и на месте сражения и боя копьями".

И Кахрдаш, услышав эти слова, побоялся сразиться с девушкой, опасаясь позора. Но кто-то из его друзей сказал ему: "Ты обладаешь всеми свойствами красоты и прелести, и, если бы ты сразился с нею и она оказалась сильнее тебя, ты бы одолел ее, так как, увидев твою красоту и прелесть, она побежит перед тобой, чтобы ты завладел ею. Ведь у женщины всегда есть желание мужчины, и тебе известно это обстоятельство". Но Кахрдаш не согласился и отказался биться с нею, и продолжал отказываться от боя, пока у него не случилась встреча с Кан-Маканом. И он подумал, что Кан-Макан – его любимая Фатин, и испугался (а Фатин ведь полюбила его, узнав о его красоте и доблести). И, подойдя к Кан-Макану, он воскликнул: "Горе тебе, Фатин! Ты пришла, чтобы показать мне свою доблесть, сойди же с коня, чтобы я поговорил с тобою! Я угнал этот скот, и обманывал товарища, и грабил на дороге витязей и храбрецов – и все это ради твоей красоты и прелести, которой нет равной. Выйди же за меня замуж, и тебе будут служить царские дочери, и ты станешь царицей земель".

Когда Кан-Макан услышал эти слова, огни его гнева запылали, и он закричал: "Горе тебе, чужеземная собака, забудь Фатин и то, что ты предполагаешь, и выходи на бой и сечу. И ты скоро окажешься в пыли". И он стал гарцевать и кидаться, и продлил и продолжил это, и Кахрдаш, увидев это, понял, что перед ним благородный витязь и неустрашимый храбрец. И ему стала явна ошибка в его предположениях, когда он увидел на его щеке молодой пушок, походивший на мирту, что выросла меж красных роз.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И он убоялся его нападения и сказал тем, кто был с ним: "Горе вам! Пусть кто-нибудь из вас ринется на него и покажет ему острый меч и дрожащее копьё! И знайте, что биться толпою против одного – позор, даже если это доблестный витязь и властитель отражающий".

И тогда понесся на него витязь – лев, под которым был вороной конь с белыми ногами и отметиной на лбу, величиной с дирхем, ошеломляющий ум и взор, словно это Абджар [197], принадлежащий Антару, как сказал о нем поэт:

Прибежал к тебе тот самый конь, что был в бою,

Могучий конь, и смешал он землю и высь небес.

И как будто бы его в лоб ударил свет утренний,

Отомстив ему, и проник тот свет во внутрь его.

И он понесся и устремился на Кан-Макана, и они гарцевали, сражаясь, некоторое время, и бились боем, ошеломляющим мысль и ослепляющим взоры. И Кан-Макан опередил его и ударил ударом храброго, который сбил с него тюрбан и налобник и проник до головы, и витязь склонился с коня, точно верблюд, когда он падает.

А потом вышел на Кан-Макана второй витязь и понесся на него, и также третий, четвертый и пятый, и Кан-Макан поступил с ними, как с первым, а после того на него понеслись остальные, и усилилось их смятение и увеличилось их сокрушение, но прошло не более часа, как он подобрал их всех зубцами своего копыя.

И Кахрдаш, увидев такие дела, устранился переселения в другой мир и понял, что дух Кан-Макана тверд. Он подумал, что перед ним единственный среди храбрецов, и сказал Кан-Макану: "Я подарил тебе твою кровь и кровь моих товарищей! Возьми же скота, сколько хочешь, и уходи своей дорогой. Я помиловал тебя из-за прекрасной твоей твердости, и тебе лучше остаться жить". – "Да не лишишься ты великодушия! – воскликнул Кан-Макан, – но только брось такие речи! Спасай свою душу. Не бойся упреков, но не желай вернуть добычу и шествуй прямым путем к спасенью".

Тут гнев Кахрдаша усилился, и его охватило нечто, приводящее к гибели. "Горе тебе! – крикнул он Кан-Макану, – если бы ты знал, кто я, ты бы не выговорил таких слов в пылу схватки. Спроси обо мне. Я ярый лев, по имени Кахрдаш, который грабил великих царей, пересекал дорогу всем путникам и забирал имущество всех купцов. Тот конь, который под тобою, то, что я ищу, и желаю я, чтобы ты меня осведомил, как ты до него добрался и овладел им". – "Знай, – ответил ему Кан-Макан, – что этот конь шел к моему дяде, царю Сасану. И вела его старая старуха, и с нею десять рабов, которые ей прислуживали, и ты напал на нее и отнял у нее коня. А мы должны ей отомстить за моего деда, царя Омара ибн ан-Нумана и за дядю моего, царя Шарр-Кана". – "Горе тебе, а кто твой отец и нет ли у тебя матери?" – воскликнул Кахрдаш. И Кан-Макан ответил: "Знай, что я Кан-Макан, сын Дау-аль-Макана, сына Омара ибн ан-Нумана".

И, услышав это, Кахрдаш воскликнул: "Не удивительно, что ты совершенен и соединил доблесть и красоту!"

Отправляйся без опаски: твой отец был милостив и добр к нам", – молвил он. Но Кан-Макан сказал: "Клянусь Аллахом, о ничтожный, я не буду уважать тебя, пока не осилю в жарком бою на поле!"

И бедуин рассердился, и оба они понеслись друг на друга и закричали, и кони их наострили уши и подняли хвосты, и они сшибались и бились до тех пор, пока оба не решили, что небо расколосось. И они сражались, как бодливые бараны, и обменивались ударами копий, и Кахрдаш направил удар, но Кан-Макан уклонился от него, а потом он обернулся на бедуина и ударил его в грудь, и копьё вышло из его спины.

И Кан-Макан собрал коней и добычу и крикнул рабам: "Ну, гоните скорее!" И тут Саббах спустился вниз и, подойдя к Кан-Макану, сказал ему: "Ты отличился, о витязь своего времени! Я молился за тебя, и Аллах внял моей молитве". Потом Саббах отрезал Кахрдашу голову, и Кан-Макан засмеялся и сказал: "Горе тебе, Саббах, я думал, что ты витязь в бою и в сече!" А Саббах ответил: "Не забудь уделить твоему рабу от этой добычи: быть может, я достигну таким образом брака с дочерью моего дяди Неджмой". – "Ты обязательно получишь свою долю, – ответил Кан-Макан, – но сторожи добычу и рабов".

А потом Кан-Макан поехал и направился в свои земли и ехал непрестанно ночью и днем, пока не приблизился к городу Багдаду. И все войска узнали его и увидели, какая с ним добыча и богатство, а голова Кахрдаша была у Саббаха на копьё. И купцы узнали голову Кахрдаша и обрадовались и говорили: "Аллах избавил от него людей, так как он был разбойник на дороге". И они дивились его убийству и призывали на убийцу его милость Аллаха. И жители Багдада приходили к Кан-Макану и расспрашивали его, какие дела с ним случились, и он рассказал им, и все мужи стали его бояться, и страшиться его витязи и храбрецы.

А потом он погнал бывший с ним скот, и пригнал его ко дворцу, и воткнул подле ворот дворца копьё, на котором была голова Кахрдаша, и стал одарять людей и роздал им коней и верблюдов. И жители Багдада полюбили его, и сердца их склонились к нему. А потом он обратил взор на Саббаха и поселил его в одном просторном помещении и отдал ему кое-что из добычи, а после того он пошел к своей матери и рассказал ей, что случилось с ним в его странствиях.

А до царя дошла весть о Кан-Макане, и он ушел из своего приемного зала и, уединившись с приближенными, сказал им: "Знайте, я хочу открыть вам тайну и рассказать о себе то, что скрыто, знайте, Кан-Макан будет виновником нашего удаления из этих земель, ибо он убил Кахрдаша, хотя ему были подвластны отряды курдов и турок, и наше дело с ним приведет к гибели, так как большинство наших войск – его близкие. Вы знаете, что сделал везирь Дандан: он не признал моих милостей после всех благодеяний и обманул меня, дав клятвы. До меня дошло, что он набрал войска в странах и решил сделать Кан-Макана султаном, так как власть султана принадлежала его отцу и деду. Он наверное убьет меня, без всякого сомнения".

Услышав эти слова, его приближенные сказали: "О царь, Кан-Макан для этого слишком ничтожен, и если бы мы не знали, что он твой воспитанник, никто из нас не обратил бы на него взора. Знай, что мы перед тобою, и если ты хочешь его убить, мы убьем его, а если желаешь удалить его, мы его удалим". И царь, услышав их речи, воскликнул: "Убить его, вот что будет правильно, но только надо обязательно взять с вас верные клятвы!" И приближенные поклялись, что они обязательно убьют Кан-Макана, и тогда везирь Дандан придет и услышит о его убийстве, силы его станут слишком слабы для того, чтобы осуществить свои намерения.

И когда они дали царю в этом обет и клятву, тот оказал им величайший почет и ушел в свой дом, а предводители оставили царя, но войска отказались садиться на коней и сходить с них, пока не увидят, что будет, ибо они видели, что большинство войска за везиря Дандана.

А затем весть об этом дошла до Кудья-Факан, и ее охватило великое огорчение. Она послала к старухе, которая обычно приносила ей вести от сына ее дяди, и когда та явилась, приказала ей пойти к Кан-Макану и рассказать ему, что произошло. И старуха пришла к Кан-Макану и приветствовала его, и Кан-Макан обрадовался ей, а она передала ему эту весть. И, услышав ее, он сказал: "Передай от меня привет дочери моего дяди и скажи ей: "Земля принадлежит Аллаху, великому, славному, и он дает ее кому хочет из своих рабов!" Как прекрасны слова сказавшего:

Аллах один властвует! Кто ищет желанного,

Тех гонит он силою, и будет их дух в аду.

Коль я иль другой бы мог хоть с палец земли иметь,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Во власти тогда Аллах имел бы товарищей".

И старуха вернулась к дочери его дяди и сообщила ей, что сказал Кан-Макан, и осведомила ее, что он остался и городе.

А царь Сасан стал поджидать его выезда из Багдада, чтобы послать за ним кого-нибудь, кто убьет его. И случилось, что Кан-Макан выехал на охоту и ловлю, и Саббах выехал с ним, так как он не разлучался с Кан-Маканом ни ночью, ни днем. И Кан-Макан поймал десять газелей, и в числе их была газель с черными глазами, которая стала поворачивать голову направо и налево, и Кан-Макан выпустил ее.

"Зачем ты выпустил эту газель?" – спросил его Саббах, и Кан-Макан засмеялся, и выпустил остальных, и сказал Саббаху "Благородно отпускать газелей, у которых есть детеныши, а эта газель поворачивалась только потому, что оставила детенышей, и я выпустил ее и выпустил остальных в уважение к ней". – "Отпусти меня, чтобы я мог уйти к моим родным", сказал Саббах. Но Кан-Макан засмеялся и ударил его задним концом копья в сердце, и Саббах упал, извиваясь, как дракон.

И пока они так забавлялись, вдруг поднялась пыль, и из-за нее появились скачущие кони и витязи и храбрецы. А случилось это потому, что люди рассказали царю Сасану, что Кан-Макан выехал на охоту и ловлю, и он послал эмира дейлемитов, по имени Джамы, и с ним двадцать всадников и, дав им денег, приказал убить Кан-Макана. И, приблизившись, они понеслись на него, и Кан-Макан понесся на них и перебил их до последнего. И царь Сасан сел на коня и поехал и догнал этих воинов, и увидел он, что они убиты, и удивился, и вернулся назад, и вдруг жители города схватили его и крепко связали.

А Кан-Макан после этого уехал с того места, и Саббах, бедуин, отправился с ним, и они ехали и вдруг увидели на дороге юношу у дверей дома. И Кан-Макан обратился к нему с приветствием, и юноша ответил на его привет, а потом он вошел в дом и вышел с двумя чашками, в одной из которых было молоко, а в другой – хлебка, и масло через края ее переливалось. Он поставил обе чашки перед Кан-Маканом и сказал ему: "Окажи нам милость, поешь нашей пищи". Но Кан-Макан отказался есть, и юноша спросил его: "Что с тобою, о человек, что ты не ешь?" – "На мне обет", – отвечал Кан-Макан, и юноша спросил: – "А почему ты дал обет?" И Кан-Макан сказал: "Знай, что царь Сасан несправедливо и по вражде отнял у меня царство, хотя оно и принадлежало раньше моему отцу и деду. Он завладел царством после смерти моего отца и не подумал обо мне, так как я был юн годами, и я дал обет, что не стану есть ничьей пищи, пока моя душа не исцелится, отомстив обидчику". – "Радуйся, – сказал юноша, – Аллах исполнил твой обет. Зияй" что царь Сасан пойман и заточен, и я думаю, что он скоро умрет". – "В каком он доме заключен?" – спросил КанМакан, а юноша ответил: "В том высоком доме с куполом".

И Кан-Макан увидел высокий дом и заметил, что в него входят люди и бьют Сасана по лицу, и тот глотает муку гибели. И юноша поднялся и прошел до этого дома с куполом и увидел, что там есть, а потом он вернулся на свое место и, сев за еду, поел немного и положил остаток мяса в пищевой мешок. А затем он сел и сидел на месте до тех пор, пока не настала темная ночь и не заснул юноша, который его угостил.

После этого Кан-Макан пошел в дом, где находился Сасан. А вокруг были собаки, сторожившие его, и одна из собак прыгнула на Кан-Макана, но тот бросил ей кусок мяса, бывшего у него в мешке, и все время бросал собакам мясо, пока не дошел до дома с куполом. И он пробрался к царю Сасану и положил ему руку на голову, и Сасан спросил его громким голосом: "Кто ты?" А КанМакан отвечал ему: "Я – Кан-Макан, которого ты стремился убить, но Аллах направил на тебя твоё же злое измышление. Разве не достаточно было тебе взять мое царство и царство моего отца и деда, что ты старался убить меня?"

И тогда царь Сасан стал клясться ложными клятвами, что он не старался его убить и что это слова неправильные, и Кан-Макан простил его и сказал: "Следуй за мною!" Но Сасан ответил: "Я не могу сделать ни одного шага по слабости моих сил". – "Если так, – сказал КанМакан, – возьмем пару коней, сядем на них, ты и я, и поедем в пустыню".

Потом он сделал так, как сказал, и сев на коня, вместе с Сасаном, ехал до утра, а затем они помолились и снова отправились и ехали так, пока не достигли одного сада. И они посидели там, беседуя, и Кан-Макан обратился к Сасану и сказал ему: "Осталось ли в твоей душе из-за меня что-нибудь неприятное?" И Сасан отвечал: "Нет, клянусь Аллахом!" И тогда они сговорились, что вернуться в Багдад. И Саббах, бедуин, сказал им: "Я опережу вас, чтобы порадовать людей".

И он поехал вперед, оповещая женщин и мужчин, и люди вышли к ним с бубнами и флейтами, и выехала вперед Кудья-Факан, подобная луне, сияющей светом во мраке неба. И Кан-Макан встретил ее, и душа устремилась к душе, и тело стосковалось по телу, и у людей этого времени не было иных разговоров, как о Кан-Макане, и витязи засвидетельствовали, что он храбрый из людей того времени, и говорили: "Неправильно, чтобы был над нами султаном кто-нибудь, кроме Кан-Макана, и должно, чтобы вернулась к нему власть его деда, как было!"

Что же касается Сасана, то он пошел к Нузхат-аз-Заман, и она сказала: "Я вижу, люди только и говорят, что о Кан-Макане, и они наделяют его такими свойствами, каких не в силах выразить язык". – "Слышать – не то, что видеть, – отвечал Сасан. – Я видел его и не увидел в нем ни одного качества из качеств совершенных, но не все говорят, что слышат. А люди подражают один другому, расхваливая его и выражая любовь к нему. И Аллах вложил в уста людей такие похвалы Кан-Макану, что сердце жителей Багдада склонилось к нему. А везирь Дандан, предатель и обманщик, собрал для него войска со всех земель, но кто будет владеть землями и согласится быть под началом правителя-сироты, у которого нет сана?" – "На что же ты вознамерился?" – спросила его Нузхат-азЗаман, и он сказал: "Я намерен убить его, и везирь Дандан уйдет назад ни с чем, не достигнув своей цели; он признает мою власть и подчинится мне, и ему не останется ничего иного, как только служить мне". – "Дурно обманывать даже посторонних, так как же можно это делать с близкими? – сказала Нузхат-аз-Заман. – Правильно будет, чтобы ты женил его на твоей дочери Кудья-Факан. Послушай, что сказано было в минувшие времена:

Возвысит когда судьба над тобой другого,

А ты, хоть высок и знатен он стал, достойней,

Отдай ему то, что должно ему по месту,

И даст он тебе, далек будешь ты иль близок.

Другим не скажи, что знаешь о нем дурного

Ты будешь из тех, кто блага творить не хочет.

Ведь сколько скрыто лучших, чем невеста,

Но только судьба невесте пришла на помощь".

Когда Сасан услышал от нее такие речи и понял эти нанизанные стихи, он поднялся в гневе и воскликнул: "Если бы убить тебя не было позором и бесчестьем, я бы скинул тебе голову мечом и остыло бы твоё дыхание!" А она сказала ему: "Раз ты на меня гневаешься, то знай, – я шучу с тобой!" И она вскочила и стала целовать ему голову и руки и сказала: "То правильно, что ты думаешь, и скоро мы с тобой измыслим хитрость, чтобы убить его".

И, услышав от нее такие слова, Сасан обрадовался и сказал: "Поторопись с этой хитростью и облегчи мою горечь! Ворота хитростей стали тесны для меня". – "Я скоро придумаю тебе, как погубить его душу!" – сказала она, и Сасан спросил: "Чем?" И она отвечала: "С помощью нашей невольницы, по имени Бакун. Она в коварстве знает много способов. А эта невольница была одна из сквернейших старух, чья вера не позволяла не делать скверного. Она воспитала Кан-Макана и Кудья-Факан, и Кан-Макан питал к ней большую склонность, и от крайней любви к ней он спал у ее ног".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И царь Сасан, услышав от своей жены эти слова, воскликнул: "Поистине, это решение будет правильно!" А потом он призвал невольницу Бакун и, рассказав ей, что случилось, велел ей постараться убить Кан-Макана и обещал ей все прекрасное. И старуха сказала: "Твоему приказанию повинуются, но я хочу, о владыка, чтобы ты дал мне кинжал, напоенный водой гибели, и я потороплюсь погубить его". – "Пусть добро сопутствует тебе!" воскликнул царь и принес ей кинжал, который едва ли не опережал приговор судьбы.

А эта невольница слышала рассказы и стихи, и запомнила диковины и повести, и она взяла кинжал и вышла из дома, раздумывая, в чем будет для Кан-Макана гибель, и пришла к нему, когда он ждал исполнения обещания госпожи Кудья-Факан. А этой ночью он вспомнил о дочери своего дяди, Кудья-Факан, и в его сердце вспыхнули огни любви к ней.

Когда он сидел так, вдруг входит к нему невольница Бакун и говорит: "Пришла пора единения и миновали дни разлуки!" И Кан-Макан, услышав это, спросил ее: "Как поживаете, Кудья-Факан?" И Бакун отвечала: "Знай, что она охвачена любовью к тебе". И тогда Кан-Макан поднялся и пожаловал ей свою одежду и обещал ей все прекрасное, а она сказала ему: "Знай, что я буду у тебя сегодня ночью и расскажу тебе, какие я слышала речи, и развлеку тебя рассказом о всех влюбленных, которые заболели от страсти". "Расскажи мне историю, которая обрадует мое сердце и от которой пройдет моя скорбь", – сказал Кан-Макан, и Бакун ответила: "С любовью и удовольствием".

И она села с ним рядом (а тот кинжал был у нее в одежде) и сказала: "Знай, вот самое усладительное, что когда-либо слышали мои уши".